

Ю.В. ИВАНОВ

ПОЛЬСКИЕ ДЕТИ В СССР ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

История отношений России с Польшей, особенно в XX в., как известно, наполнена драматическими событиями, которые до сих пор сохраняются в национальной памяти народов и оказывают свое влияние на состояние нынешних межгосударственных отношений. Между странами возник какой-то своеобразный барьер взаимного непонимания, иногда, правда, искусственно воссоздаваемый и питаемый.

Бесспорно, что преодоление российско-польского отчуждения – это длительный процесс, требующий с обеих сторон большой политической воли, упорства и последовательности в действиях. Чтобы изменить положение в этой области к лучшему, не следует пренебрегать малыми шагами, в частности, больше информировать общественность не только о конфликтах и выяснять, кто в них был прав, а кто виноват, но и об имевших место фактах сотрудничества между нашими странами. Как представляется, такой подход мог бы содействовать постепенному восстановлению взаимопонимания на новой, справедливой и, в конечном итоге, взаимовыгодной основе.

Таким связывающим элементом могла бы стать, например, история с польскими детьми, спасшимися от военных потрясений и невзгод на территории Советского Союза, нашедших там приют, а впоследствии вернувшихся на свою родину. Недаром говорится, что сочувствие чужому горю и оказание помощи в трудную минуту сближает людей.

Теперь по существу вопроса. Основной контингент оказавшихся в СССР польских детей сформировался в результате эвакуации сиротских и детских домов из Западной Белоруссии, Западной Украины и Литвы. Кроме того, эти дома пополнялись детьми, по разным обстоятельствам разлученными судьбой со своими родителями, включая детей, которые вместе со своей семьей в 1939 – 1941 гг. были депортированы на восток в ходе акции по так называемой зачистке от неблагоданного элемента приграничной территории как вероятного театра военных действий.

Установить их более или менее точное число крайне затруднительно, обобщающая статистика по этому вопросу в просмотренных архивах отсутствует, имеется лишь отрывочная информация. Надо считаться и с тем, что общее число детей с годами менялось, поскольку они выросли, переходили из одной категории в другую, а некоторые по просьбе польской стороны даже покидали пределы СССР.

Однако отдельными сведениями, зачастую, правда, неполными, архивы все же располагают. За определенный ориентир можно принять данные на этот счет, приведенные в письме наркомата государственной безопасности СССР от мая 1944 г., в котором в ответ на соответствующий запрос НКВД СССР сообщалось, что в стране из вышеперечисленных районов находилось в то время 66 718 детей польской национальности до 16-летнего возраста, но из них только 1061 считался польским гражданином¹. Подобная ситуация с гражданством возникла в связи с тем, что после вхожде-

Иванов Юрий Васильевич – специалист по Польше и советско (российско)-польским отношениям.

¹ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф.0122, оп. 26-б, п. 231, д. 42, л. 40.

ния Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы в состав СССР все население этих регионов независимо от национальности в соответствии с принятыми законами, которые, кстати, не противоречили нормам международного права, автоматически считались гражданами СССР, включая и всех лиц польской национальности, постоянно проживавших в этой местности или временно оказавшихся на данной территории из других регионов страны (приехавшие в гости к родственникам или по служебным делам, в качестве беженцев и т.п.). Польская сторона в свое время официально неоднократно оспаривала такой подход к вопросу о гражданстве. Следует подчеркнуть, что уже после войны при проведении репатриации советская сторона, идя навстречу пожеланиям Варшавы, впоследствии во многих случаях отходила от своей жесткой позиции по данному вопросу.

Таким образом, вышеприведенную цифру примерно в 67 тыс. детей можно было бы принять за условную точку отсчета. При этом следует учитывать, что она отражает ситуацию, сложившуюся спустя три года после начала войны. В любом случае приводимые в польской прессе данные о якобы 250–300 тыс. польских детей-сирот в возрасте до 17 лет, оказавшихся во время войны в СССР, представляются значительно преувеличенными².

Перед самым нападением фашистской Германии часть польских сиротских и детских домов удалось вывезти вглубь СССР (в частности, детдом в Белостоке), спланировать их размещение, обеспечить питанием, одеждой и медицинской помощью. Отложившаяся в архивах официальная переписка свидетельствует о том, что в СССР внимательно и весьма ответственно относились к созданию необходимых условий для польских детей, а проводимые мероприятия носили централизованный характер. В условиях реального военного времени за этим стояла крайне сложная организаторская работа в масштабах всей страны. В соответствии с распоряжением Совета народных комиссаров СССР от 29 января 1942 г. республиканским и областным органам народного комиссариата торговли были даны указания о приеме на снабжение всех польских учреждений, включая детские дома³. В зависимости от складывающейся обстановки некоторые дети помещались в местные детские дома или же направлялись непосредственно в семьи советских граждан. Часть детей проходила бесплатное обучение в сети ФЗО и ремесленных училищах.

Кроме того, государственной опекой были также охвачены дети польских беженцев, спасшихся в СССР от фашистской оккупации. Об этом красноречиво свидетельствует приводимый ниже отрывок из постановления исполкома Ворошиловградского областного совета депутатов трудящихся от 1 февраля 1940 г. о размещении и трудоустройстве польских беженцев:

“[...] 4. Обязать зав. облздравотделом тов. Шлеркину... обеспечить охват детей беженцев ясельного возраста детскими яслями.

5. Обязать зав. облотделом нар[одного] образ[ования] тов. Шевкаленко не позже чем до 15 февраля с.г. охватить всех детей беженцев школьного возраста школами, обеспечив им необходимую помощь в учебе... Детей дошкольного возраста охватить детсадами”⁴.

За сравнительно короткое время в целом ряде районов Советского Союза была создана широкая сеть польских домов (Владимирская, Вологодская, Горьковская, Ивановская, Пензенская, Тамбовская, Свердловская, Омская области, Приволжские автономные республики, Алтайский и Красноярский края), а также в Казахстане и среднеазиатских республиках.

Вопросы, связанные с польскими детьми, регулировались отдельным постановлением СНК СССР. Следует, однако, сказать, что это постановление не всегда и не везде выполнялось полностью, особенно требование о ведении воспитательного и учебного

² *Wróblewska A.* Los polskich sierot na radzieckiej ziemi. – *Życie Warszawy*, 20.IV.1993.

³ АВП РФ, ф. 0122, оп. 25, п. 191, д. 15, л. 21, 22, 45.

⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VII. М., 1973, с. 189.

процесса на польском языке⁵. В основном трудности носили объективный характер, но иногда сказывалась и нерасторопность местных властей. Поэтому нельзя безапелляционно утверждать, что положение польских детей было везде и всегда благополучное. В ряде мест оно было весьма сложным, особенно в среднеазиатских республиках. Имелись перебои с организацией питания, обеспечением одеждой, трудности с размещением⁶, а в ряде мест зафиксирована довольно высокая заболеваемость. Однако усматривать в этом только какую-то сознательную злую волю не может быть и речи. Нельзя забывать, что эти трудности являлись следствием ограничений военного времени, серьезных неудач на фронте. Особенно тяжелая обстановка, в частности, сложилась в детдоме в селении Гузар (недалеко от Ташкента), в котором находилось свыше 350 детей. При проверке дома специальная комиссия констатировала, что больных от истощения нет, но одновременно ею было отмечено, что под влиянием неблагоприятного климата и недостаточного диетического питания имели место многочисленные различные заболевания иногда со смертельным исходом⁷. В начальный период были также трудности с набором польских преподавателей, организацией школ с обучением на польском языке, обеспечением учебниками на польском языке и т.п. Однако со временем положение в этой области постепенно менялось в лучшую сторону. В этой связи приведем весьма характерный отрывок из документа, обнаруженного нами в архиве.

На соответствующий запрос НКВД СССР председатель Кустанайского облисполкома Казахской ССР в ноябре 1942 г. сообщал о положении в польском детдоме, в содержании которого были выявлены недостатки. В ответе отмечалось следующее:

“Польские дети, проживающие в доме города Кустанай, в июле месяце в количестве 65 человек были переведены в районный центр Боровое и размещены в Боровском детском доме. Дети материально обеспечены полностью. Питание им организовано на общих основаниях с другими детьми. Штат воспитателей второго дома укомплектован за счет польских граждан. Воспитание детей производится на польском языке”⁸.

Несмотря на постоянное улучшение работы детдомов, польская сторона в официальном порядке настойчиво требовала отправки большей части детей из Советского Союза. Эту тему польский посол в СССР постоянно затрагивал в ходе официальных бесед в 1942 г. с первым заместителем народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинским (2 и 15 июня, 8 июля, 12 ноября, 23 декабря)⁹. На подобные требования неизменно давался негативный ответ. При этом послу резонно указывалось, что подобная широкомасштабная акция в условиях военного времени и при отсутствии необходимых ресурсов является чрезвычайно сложной и трудно выполнимой.

Так, в беседе 12 ноября 1942 г. посол Т. Ромер вновь поставил перед А.Я. Вышинским вопрос об эвакуации польских детей-сирот из СССР. Им были приведены следующие соображения: в СССР находится 90 тыс. детей, из которых 29 700 сирот. По его подсчетам в различных учреждениях могут быть размещены только около 10 тыс., следовательно, делается вывод, в эвакуации нуждаются 19 тыс. Последовал ответ, что их эвакуация “нежелательна с политической и с психологической точек зрения, поскольку она может вызвать неблагоприятное впечатление у поляков.” Была разрешена эвакуация только 600 детей. В заключении послу было сказано, что “этим считаем вопрос исчерпанным” и что “необходимые условия для устройства детей и сирот можно сделать и здесь”¹⁰.

Первые годы детские дома находилась под опекой польского посольства в СССР и его местных представительств, которые занимались также распределением поступаю-

⁵ АВП РФ, ф. 0122, оп. 25, п. 191, д. 15, л. 8.

⁶ Там же, п. 193, д. 21, л. 188, 189об.

⁷ Там же, п. 191, д. 15, л. 150.

⁸ Там же, л. 191.

⁹ Там же, п. 188, д. 2.

¹⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. V. М., 1967, с. 338.

щей в их адрес из-за границы благотворительной помощи в виде продуктов питания и одежды.

В апреле 1943 г. после разрыва дипломатических отношений с польским эмигрантским правительством всю заботу над оставшимися польскими детьми взяло на себя принявшее государство. Для решения практических вопросов при народном комиссариате просвещения РСФСР в конце июня 1943 г. был создан специальный Комитет по делам польских детей под председательством заместителя наркома просвещения Г.И. Иваненко. К работе Комитета привлекались также и польские граждане. В ведение Комитета находились все вопросы организации и содержания дошкольных учреждений, детских домов, школ, сеть техпрофобразования (ФЗО, техникумы, ремесленные училища)¹¹, а также вопросы подготовки польских учителей и издания учебников на польском языке¹².

В соответствии со специальным постановлением Совета народных комиссаров СССР в 1943 г. в государственную систему были приняты следующие польские благотворительные учреждения: 65 детских домов (4 411 чел.), 68 детских садов (3 419 чел.), 2 яслей (81 чел.), 29 школ (1 700 чел.), включая 1 000 обслуживающего персонала¹³. С учетом этих данных на 5 апреля 1944 г. общее число учреждений составило 142 детских дома, 246 детских сада и 64 школы¹⁴. Кроме того, существовали 124 детские библиотеки и 124 внешкольных детских клуба.

Приходится констатировать, что после разрыва дипломатических отношений в апреле 1943 г. польской стороной, к сожалению, была организована долговременная и масштабная кампания по обвинению СССР в гибели и сокрытии польских детей. Выступая по радио 4 мая 1943 г. премьер В. Сикорский потребовал “освобождения из СССР... десятков тысяч польских детей и сирот”¹⁵. А находящийся на Западе некий ксёндз Павлина в апреле 1943 г. в Великобритании и США сделал заявления о гибели в СССР не больше не меньше как 2 млн. польских детей. Подобную, явно фантастическую цифру вообще, как представляется, нельзя принимать всерьез.

Само польское посольство при передаче детских учреждений вело себя, как сейчас принято говорить, неадекватно. Оно саботировало принимаемые советской стороной меры, пыталось всячески тормозить решение организационных вопросов, стремясь в то же время всю ответственность за возникавшую дезорганизацию при передаче дел возложить на советскую сторону. Посольство поднимало шум по оспариванию тех или иных действий, что даже сейчас, спустя много лет, чтение таких протестов оставляет тягостное впечатление от высказываемых мелочных придирок и претензий¹⁶.

Одновременно польская сторона стремилась представить перед Великобританией и США дело таким образом, что положение польских детей в СССР якобы является катастрофическим, что все они обречены на вымирание и русификацию. По этому поводу послом США в Москве во время беседы с И.В. Сталиным 11 августа 1943 г. была вручена памятная записка, в которой, в частности, отмечалось: “Следует приложить все усилия для эвакуации польских сирот и других польских детей, которым не может быть обеспечен надлежащий уход в Советском Союзе”¹⁷. В ответе НКВД СССР от 27 сен-

¹¹ Положение о Комитете см.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VII, с. 398–402. Отчет о деятельности Комитета с 30 июня по 31 декабря 1943 г. – Там же, т. VIII. М., 1974, с. 408–411.

¹² АВП РФ, ф. 0122, оп. 26-б, п. 231, д. 50, л. 18. В связи с ликвидацией Комитета в 1948 г. польская сторона обратилась с просьбой передать ей архив этого учреждения. Архив был передан. – Там же, оп. 30, п. 221, д. 51, л. 125.

¹³ АВП РФ, ф. 0122, оп. 26-а, п. 226, д. 41, л. 71, 72, 78.

¹⁴ Там же, оп. 26-б, п. 231, д. 50, л. 17.

¹⁵ Там же, оп. 26-с, п. 200-а, д. 1, л. 8.

¹⁶ Там же, л. 44–46. См. также ноту НКВД СССР в польское посольство от 28 августа 1943 г. – Там же, оп. 25, п. 189, д. 7, л. 54.

¹⁷ Там же, оп. 26-з, п. 308, д. 1, л. 32. Нота аналогичного содержания 11 августа 1942 г. была направлена в НКВД СССР и британским посольством. – Там же, л. 184.

тября 1943 г. сообщалось, что при содействии советских властей в СССР открыто 589 благотворительных учреждений с польскими детьми, в том числе ясли и детские дома, для обеспечения которых выделены соответствующие продовольственные и товарные фонды, предоставлены различные льготы. Что касается заявления о том, что в СССР “якобы не может быть обеспечен надлежащий уход за польскими детьми”, то такое утверждение, отмечалось в ответной ноте, “основано, как совершенно очевидно, на несолидной информации”¹⁸.

Польской стороной в целях очернения действий советской власти использовались самые неблагоприятные приемы. Так, в одном из домов, расположенных в Южно-Казахстанской области, польские представители заставляли детей писать письма богатым польским эмигрантам, проживающим в Великобритании и США, в целях получения от них материальной помощи.

То, что такие письма были инспирированы самим польским посольством, подтверждается документально. Так, посольство Польской Республики в инструкции № 2 от 29 апреля 1942 г. своим доверенным лицам на местах, в частности, предписывало: “Следует собрать возможно большее число описаний судеб детей с момента их выезда из Польши по настоящее время. Очень ценными являются письма, написанные самими детьми”¹⁹.

Далее, в письме первого заместителя министра внутренних дел СССР В.Н. Меркулова на имя А.Я. Вышинского от 3 ноября 1942 г. сообщалось о задержании польской гражданки Колачек с письмом к польским детям, в котором под видом организации конкурса они призывались описать свою жизнь в Советском Союзе. Конкурс был организован с ведома доверенного лица посольства Конарского, который рекомендовал в письмах детей отмечать главным образом невыносимые условия жизни детей в СССР (у него обнаружено 142 подобных письма). Большинство писем написано под диктовку взрослых²⁰.

Вся эта операция, конечно, проводилась ради самих детей, чтобы, несколько сгустив краски, разжалобить богатых адресатов и получить от них дополнительную благотворительную помощь²¹. Это как-то можно понять и частично даже оправдать. Но совсем другое дело, когда сейчас нынешние “исследователи”, как К. Лякович, из архива польского посольства в Москве за 1941–1942 гг., находящегося в Великобритании и США, извлекают эти письма только для того, чтобы выдать их за чистую монету и использовать в политических целях²².

Трудности, естественно, существовали и после перехода детских домов в юрисдикцию советской стороны. Однако это были единичные случаи, а в целом обстановку можно оценить как удовлетворительную, о чем свидетельствуют результаты проводившихся проверок. Так, в апреле – мае 1944 г. с работой польских детских учреждений на территории СССР знакомились английские журналисты и граждане США польской национальности. В частности, такие известные в то время проживавшие в США поляки, как епископ С. Орлеманский²³ и профессор О. Ланге²⁴, приехавшие в Советский Союз в целях установления контактов с Союзом польских патриотов в СССР, посети-

¹⁸ Там же, л. 21, 22, 26.

¹⁹ Там же, оп. 25, п. 189, д. 9, л. 317.

²⁰ Там же, п. 193, д. 221, л. 188.

²¹ Там же, д. 21, л. 188–189об.

²² *Słowo powszechne*, 31.X.1991.

²³ *Орлеманский Станислав* (1889–1960), ксёндз, деятель польской эмиграции в США. Несмотря на письмо И.В. Сталина, отказался после войны вернуться в Польшу, сославшись на болезнь и возраст.

²⁴ *Ланге Оскар* (1904–1965), экономист, деятель Польской социалистической партии, профессор Чикагского университета. Находясь в Москве, 17 мая 1944 г. был принят И.В. Сталиным. Подробнее о нем см.: Сталин и Польша 1943–1944 годы. Из рассекреченных документов российских архивов. Предисловие и комментарии А.Ф. Носковой. – Новая и новейшая история, 2008, № 3.

ли дом для польских детей в Загорске и выразили полное удовлетворение увиденным, поместив в английском “Таймсе” соответствующую информацию. Они присутствовали на уроках, знакомились с учебно-воспитательной работой, бытовыми условиями, беседовали с воспитателями и детьми. О своих впечатлениях С. Орлеманский рассказал 5 мая 1944 г. в своем радиообращении к полякам в СССР и Польше, а также при встрече с польскими и иностранными корреспондентами. В частности, он заявил следующее: “Да будет мне, как нейтральному свидетелю и практичному американцу, позволено сообщить вам, что в теперешних условиях не может быть лучше, чем есть. Мы, поляки, должны быть благодарны советскому правительству за хорошее отношение и приложить усилия, чтобы сохранить эти учреждения. Мне рассказали, что подобные заведения существуют по всей России”²⁵. О. Ланге посетил детдом в подмосковном поселке Чкаловское, а также польские детские учреждения в Сибири. Его рассказ о поездке 28 мая 1944 г. был напечатан в “Правде”.

Выезд польских детей из СССР стал осуществляться еще до окончания войны, а после 1945 г. началась их организованная эвакуация на родину. Архивные материалы свидетельствуют о том, что отправка детей за исключением единичных случаев осуществлялась строго с соблюдением общепринятых правил, и огульно обвинять советскую сторону в нарушении этих правил, как это иногда делается в Польше, было бы по меньшей мере некорректно. Эвакуация детей производилась в разное время и в различных формах. Приведем несколько примеров.

По просьбе посольства Польской Республики через Мурманск в начале 1942 г. для пополнения базирующихся в Великобритании судов польского торгового флота и авиационных соединений было направлено около 1 тыс. юношей (от 14 до 18 лет)²⁶.

Часть польских детей в августе 1942 г. была эвакуирована непосредственно с армией В. Андерса через Иран на Ближний Восток. По данным польской стороны уехало 17 350 детей, из них большинство школьного возраста.

Советская сторона в ответ на ноту посольства Польской Республики от 15 декабря 1941 г.²⁷ выразила согласие на выезд 500 детей, находившихся в основном в среднеазиатских республиках²⁸. В результате в июне 1942 г. была осуществлена отправка детей из детского дома в Акмолинске в Иран и Индию, бывшей в то время британским доминионом²⁹, а позднее туда же отправились еще 50 детей³⁰. Кроме того, памятной запиской НКВД СССР от 2 июля 1943 г. миссии Австралии в СССР, которая представляла интересы Польши, было сообщено согласие на выезд детского дома в Ашхабаде (300 детей). Отдельные партии детей переправлялись также в Австралию и бывшие британские колонии в Африке. По сообщению агентства Рейтер, в Танганьiku и Уганду в это время прибыло из СССР 8–12 тыс. польских беженцев, преимущественно женщин и детей³¹. В число выехавших детей – граждан Польши входили также дети еврейской национальности. По оценочным данным, их число было в пределах 15 тыс.³²

После войны в 1945–1948 гг. дети отправлялись в Польшу в соответствии с заключенным 6 июля 1945 г. межправительственным Соглашением о праве на выход из советского гражданства лиц польской и еврейской национальностей, проживающих в СССР, и об их эвакуации в Польшу. Пункт 4 Протокола к этому соглашению гласит: “Школы, детские дома и др. учреждения, состоящие из лиц, подлежащих переселению в Поль-

²⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VIII, с. 103.

²⁶ АВП РФ, ф. 0122, оп. 25, п. 189, д. 7, л. 24.

²⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VII, с. 271.

²⁸ АВП РФ, ф. 0122, оп. 25, п. 188, д. 2, л. 150.

²⁹ Там же, п. 191, д. 15, л. 159.

³⁰ Там же, п. 189, д. 9, л. 317.

³¹ ТАСС, 22 ноября 1942 г., л. 82-о; 4 января 1943 г., л. 13-о.

³² По данным выходившей в Англии газеты на польском языке “Дзенник польски”. – ТАСС, 17 сентября 1942 г., л. 23-о; АВП РФ, ф. 0122, оп. 25, п. 189, д. 7, л. 68.

шу, эвакуируются в организованном порядке под соответствующим надзором”³³. Более подробно детали эвакуации излагались в утвержденной 11 октября 1945 г. инструкции “О порядке определения контингента детей польской и еврейской национальности, находящихся в детских домах для польских детей, в других детских домах и у советских граждан на патронате, подлежащих эвакуации в Польшу в соответствии с Соглашением от 6 июля 1945 г.”³⁴.

Первыми в июне 1945 г. из СССР выехали дети из Каракулинского дома ребенка (Удмурдская АССР). По их приезде в Белосток была организована торжественная передача детей представителям местных властей³⁵. В феврале 1946 г. в Польшу переехали детдома, расположенные в Загорске и на подмосковной станции Чкаловская. Их отъезд по просьбе польской стороны снимался для хроники³⁶. Весьма примечательно выступление польского посла Х. Раабе на торжественных проводах в Польшу воспитанников этих польских детских домов, состоявшихся 28 февраля 1946 г. Содержание этого выступления, по нашему мнению, нельзя объяснить только одной обычной в таких случаях дипломатической вежливостью. Небезынтересно привести некоторые выдержки из выступления посла. Назвав торжественные проводы “праздником истинной дружбы, проявленной правительствами и народами Советского Союза к Польше”, посол сердечно поблагодарил советскую сторону за заботу в годы войны, подчеркнув, что этот факт “будет одним из самых ценных вкладов, который на века упрочит дружбу двух государств и народов – Польши и Советского Союза”³⁷. Несколько позднее было получено благодарственное письмо от министерства просвещения Польской Республики от 3 августа 1946 г., в котором отмечалось, что “благодаря доброжелательству Советского правительства польские дети не только сохранили здоровье во время войны, но и получили образование и воспитание” и что это “несомненно, будет содействовать улучшению и укреплению дружбы между польским народом и народами Советского Союза”³⁸.

Кроме того, дети выезжали вместе с родителями в ходе послевоенной репатриации.

Не без давления с польской стороны Совет министров СССР 17 ноября 1950 г. принял новое постановление о репатриации польских детей, в соответствии с которым в мае 1952 г. на родину выехало 29, а в июне – 24 человек³⁹. С августа 1952 г. дети в основном отправлялись уже поодиночке, но были редкие случаи и групповой отправки. Например, в апреле 1953 г. группа детей в 27 человек была назначена к репатриации⁴⁰.

В результате этой акции, по данным Управления уполномоченного по делам репатриации Совета министров СССР, на конец 1952 г. в Польшу из представленного польским посольством в Москве дополнительного списка в 1 879 детей выехало 787 детей⁴¹. Остались в СССР подлежащие репатриации в соответствии с соглашением две категории: дети моложе 14 лет, которые отказались выезжать, и дети, против отъезда которых возражали их опекуны и воспитатели (всего 140 детей)⁴², а также некоторое число детей, точное местонахождение которых установить не удалось (35 чел.)⁴³. Вместе с тем было принято решение, что при повторном официальном обращении польской стороны вопрос о выезде этих детей будет решаться в каждом отдельном случае.

³³ Советский Союз – Народная Польша. 1944–1974. Документы и материалы. М., 1974, с. 77.

³⁴ АВП РФ, ф. 122, оп. 32, п. 97, д. 16, л. 9–10; Там же, ф. 0375, оп. 1, п. 105, д. 26, л. 57–62.

³⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VIII, с. 447–449.

³⁶ АВП РФ, ф. 0122, оп. 28, п. 203, д. 24, л. 121–122.

³⁷ Советский Союз – Народная Польша..., с. 114.

³⁸ Там же, с. 138–139.

³⁹ АВП РФ, ф. 0122, оп. 35, п. 285, д. 39, л. 1, 7, 132.

⁴⁰ Там же, д. 40, л. 146.

⁴¹ Там же, оп. 36, п. 238, д. 29, л. 1–3; оп. 35-б, п. 313, д. 2, л. 2–3.

⁴² Там же, оп. 36, п. 296, д. 10, л. 13, 49.

⁴³ Там же, ф. 0375, оп. 1, п. 106, д. 30, л. 96–100.

В феврале 1953 г. польское посольство в Москве направило очередную памятную записку со списками остающихся, по ее мнению, в СССР польскими детьми⁴⁴. В связи с этим обращением было принято новое постановление Совета министров СССР, в котором предусматривалась эвакуация поляков, в том числе и детей до 16 лет. При реализации этого постановления по состоянию на 15 ноября 1956 г. было дано разрешение на выезд в Польшу 5285 несовершеннолетних детей⁴⁵.

Идя навстречу польской стороне, 25 марта 1957 г. между Польшей и СССР было заключено новое соглашение о сроках и порядке дальнейшей репатриации из СССР лиц польской национальности⁴⁶. Согласно этому Соглашению, право на репатриацию получили “несовершеннолетние дети (не достигшие 16-летнего возраста) лиц польской национальности, состоявшие в польском гражданстве к 17 сентября 1939 г., не имеющие в Советском Союзе близких родственников, но которые имеют родственников в Польской Народной Республике, или о репатриации которых ходатайствуют польские власти”⁴⁷.

Таковой в общих чертах представляется общая картина о содержании польских детей в СССР и их последующей репатриации.

К сожалению, истекшее время нисколько не сняло прежние польские претензии в отношении пребывания польских детей в СССР в годы войны. Начиная с 90-х годов прошлого века данная тема с обвинениями в адрес советской стороны снова появляется в польских средствах массовой информации. В публикациях вновь, как и 70 лет назад, основной упор делается на то, что для проживания польских детей якобы не были созданы необходимые условия, а их репатриация проводилась недобросовестно, в результате чего десятки, а то и сотни тысяч поляков были русифицированы и остались в СССР.

Сегодня в Польше в рамках действующей научной программы “Восточный архив” продолжает разрабатываться проблема “Польские дети без родителей в СССР (1939–1956 гг.)”. В этих исследованиях высказывается сожаление в связи с тем, что судьба еще 100 тыс. детей так и осталась неустановленной. Они, как пишут журналисты, где-то затерялись во время войны или умерли или же “выжили и остались где-то там в республиках, может быть даже не зная, что являются поляками”. И делается в заключение следующий вывод: польские дети “сиротами стали не от рук гитлеровцев”, а якобы от рук “красного освободителя”⁴⁸.

Между тем в Польше уже давно не вспоминаются претензии к Германии и своим союзникам по НАТО, которые после войны саботировали усилия польской стороны по возвращению на родину польских детей, оказавшихся в Западной Германии. Известно, что во время оккупации Польши в 1939–1944 гг. германской организацией “Лебенсборн” был осуществлен вывоз около 100 тыс. польских детей для воспитания в немецких семьях в целях их принудительной германизации. В 1950–1953 гг. польская сторона в дипломатической переписке с посольствами США и Великобритании в Варшаве выражала протест против задержки отправления детей в Польшу, однако безуспешно, и дети были для страны потеряны навсегда⁴⁹. Если иногда и удавалось их обнаружить в немецких семьях, то они уже были ассимилированы и отказывались выезжать в Польшу⁵⁰. Об этих потерянных детях в Польше сейчас предпочитают не вспоминать.

Подведем итог. Как представляется, главное во всей этой истории заключается в том, что в СССР в то тяжелое военное время был проявлен максимум возможной заботы

⁴⁴ Там же, ф. 0122, оп. 36, п. 296, д. 10, л. 13, 49.

⁴⁵ Там же, оп. 40, п. 337, д. 21.

⁴⁶ Советский Союз – Народная Польша..., с. 214–219.

⁴⁷ АВП РФ, ф. 0122, оп. 25, п. 193, д. 21, л. 188–189об.

⁴⁸ *Wróblewska A.* Op. cit.

⁴⁹ АВП РФ, ф. 0122, оп. 35, п. 284, д. 22, л. 188; п. 333, д. 68, л. 64, 71.

⁵⁰ Там же, оп. 31, п. 232, д. 8, л. 4.

к польским детям, которые волею судеб во время Второй мировой войны оказались на его территории. Содержались они не хуже своих собственных сирот и снабжались по существовавшим в то время нормам. Такое отношение помогло тысячам польских детей выжить, а после войны вернуться на родину. Недоразумения на этой почве возникали из-за того, что польская сторона постоянно требовала, чтобы для польских детей были созданы какие-то привилегированные условия.

Особо следует отметить, что все виды материального содержания польских детей в СССР и последующая их эвакуация на родину осуществлялись на безвозмездной, благотворительной основе. Благодарность польской стороны за это на центральном и местном уровне нами, как отмечалось выше, уже была получена сразу после войны. Сейчас главное не забывать тех событий, которые нас сближали в условиях общей опасности и общем горе.